
**К 75-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
А.В. БРУШЛИНСКОГО**

**СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ
И ПЕРСПЕКТИВЫ ТЕОРИИ МЫШЛЕНИЯ А.В. БРУШЛИНСКОГО**

© 2008 г. В. В. Селиванов

Доктор психологических наук, профессор, Смоленский государственный университет, Смоленск

Рассматривается развитие теории мышления А.В. Брушлинского на современном этапе. Анализируются исследования содержания мышления, процессуальных компонентов мыслительной активности, соотношения сознательного и бессознательного при решении субъектом задач, изменения личностных параметров в ходе мыслительного процесса. В изучении мышления процессуальная парадигма А.В. Брушлинского соотносится со “смысловой” теорией О.К. Тихомирова. Определены перспективы анализа и исследования мышления в современной психологии.

Ключевые слова: мышление как процесс, мышление как деятельность, условие и требование задачи, континуально-генетический метод, немгновенный инсайт, субъектно-деятельностный подход.

Влияние работ выдающегося отечественного психолога А.В. Брушлинского на развитие теории мышления трудно переоценить. В данной статье внимание сосредоточено на трех его идеях, лежащих в основе особых теоретико-экспериментальных моделей изучения психологических закономерностей мыслительной активности. К этим идеям относятся: 1) наличие в мышлении (как и в психическом вообще) процессуального уровня функционирования наряду с операциональным; 2) утверждение, что основной для психологии процессуальный уровень мышления (или мыслительные процессы) имеет континуально-генетическую природу (т.е. пластичность, динамичность, недизъюнктивность, холизм); 3) существование субъектной детерминации: субъект (а не личность) выступает наиболее обобщающим и исходным началом, продуцирующим мыслительный процесс и мыслительную деятельность, регулирующим ее ход и результат.

Главный вопрос для психологии при изучении тех или иных познавательных функций или психологических феноменов – это выделение их содержательных характеристик. В теории мышления Брушлинский, развивая идеи С.Л. Рубинштейна, предложил и изучал новый содержательный компонент мышления – процессуальный уровень его функционирования. Заслуга ученого – это прежде всего отчетливое и детальное определение онтологии психологии мышления: он обосновал предмет психологического анализа, показав, что его процессы (анализ, синтез, обобщение, абстрагирование) являются собственно сферой компетенции психологии в отличие от операций и форм, которые исследуются другими науками, в частности логикой, гносеологией и др.

Основной вклад Брушлинского в теорию мышления состоит в изучении процессуальной природы мышления. Ученый считал, что процессуальность мышления – не просто указание на его динамику, временную развертку, постоянное развитие, а парадигма, целостный подход к изучению мыслительной деятельности. Процессуальность понимается им как: 1) более глубокий уровень осуществления деятельности; 2) онтологический способ существования психического с его недизъюнктивностью, неизоморфностью, континуальностью, неаддитивностью и др.; 3) определенное соотношение внешних и внутренних условий в функционировании психического. Процессуальность мышления отражает прежде всего его глубинное психологическое содержание. Основываясь на положении Рубинштейна о том, что составляющие мыслительной активности – и деятельность, и процесс, Брушлинский развивает эту фундаментальную идею. Мышление как деятельность – особый уровень его функционирования и изучения, содержанием которого является операциональный состав мыслительной активности. Этот термин соотносится с понятием “...мышление как процесс”. Мышление как деятельность характеризует мыслительную активность в качестве познавательной деятельности и образует ее личностный план. Брушлинский писал, что “мышление выступает в личностном (прежде всего мотивационном) плане в тех случаях, когда специально изучают мотивы и вообще отношение человека к мыслительным задачам, которые он решает...” [3, с. 29]. При исследовании данного уровня мышления рассматривается в первую очередь мотивация мыслительного поиска (познавательная и неспецифическая), познавательные цели, которые ставит перед собой субъект, ум-

ственные действия (мыслительные операции), с помощью которых личность осуществляет решение задачи. Брушлинский всегда изучал мышление как деятельность в соотношении с мышлением как процессом. Процесс мышления первичен по отношению к сформированным умственным действиям, операциям, которые в нем порождаются и функционируют.

Мышление как процесс – это определенный уровень функционирования и изучения мышления, содержанием которого являются умственные процессы (анализ, синтез, обобщение и др.), приводящие (или нет) к решению задачи. Брушлинский неоднократно подчеркивал эти особенности процесса: “...Мышление выступает в процессуальном плане в тех случаях, когда специально исследуется процессуальный состав мыслительной деятельности, т.е. психические процессы анализа, синтеза и обобщения, посредством которых человек решает мыслительные задачи, причем анализ, синтез и обобщение раскрываются в их психологическом, а не логическом или физиологическом качестве” [там же]. Мышление как процесс понимается в качестве исходного состояния мышления, выражающегося в непрерывном взаимодействии субъекта с познаваемым объектом. Мыслительные операции, умственные действия и другие уже сформированные компоненты мышления вырабатываются в мыслительных процессах и погружены в них. Мышление как процесс не противостоит мышлению как деятельности, но является более глубоким уровнем изучения мыслительной деятельности, раскрывающим психические механизмы, порождающие и обеспечивающие функционирование операционного состава мышления.

Процесс мышления понимается как непрерывный, недизъюнктивный (в мышлении нет строго изолированных компонентов, его составляющие переходят друг в друга), неизоморфный (в мышлении нет однозначного копирования объекта в образе, происходит его обобщение и др.). Главный его механизм – анализ через синтез – позволяет субъекту изучать объект через его мысленное или реальное включение в систему связей с другими объектами и выявлять на этой основе новые свойства объекта. Анализ через синтез обеспечивает изначально креативную природу мыслительной активности, где познаваемый объект постоянно выступает для личности в новых свойствах и качествах, ранее не представленных индивидуальному сознанию. Критериями фаз и уровней мышления как процесса являются: характер прогнозов искомого, которые выдвигает субъект; определенное отражение соотношения условий и требований задачи; принятие–непринятие подсказки; уровень обобщения основных компонентов задачи и др.

СТРУКТУРНО-УРОВНЕВОЕ СОДЕРЖАНИЕ МЫШЛЕНИЯ

Сегодня в психологическом содержании мышления целесообразно выделять несколько характеристик. В наших исследованиях мышление – это сложный системный процесс, благодаря которому субъект анализирует (синтезирует, обобщает и т.д.) данные (образы), полученные “низшими” познавательными процессами (ощущением, восприятием и др.) [7, 16, 18, 22, 24–26]. Можно выделить **основные содержательные составляющие мышления**: 1) мыслительные *процессы* (анализ, синтез, обобщение, абстрагирование, анализ через синтез); 2) мыслительные *действия, операции* (например, математические операции: сложение–вычитание и др.); 3) *формы* мышления (понятие, суждение, умозаключение); 4) систему *знаний и понятий*, взаимосвязанных между собой и используемых субъектом при решении задач; 5) *смыслы* познаваемого объекта или соотношений условий и требований задачи в зависимости от индивидуального опыта мыслителя, его индивидуальных особенностей и характера складывающейся ситуации при решении задачи; 6) обобщенные *эмоциональные компоненты* мышления, в частности предвосхищающие эмоции; 7) *обобщенные личностные характеристики*, актуализирующиеся в ходе мышления (познавательная и неспецифическая мотивация, свойства, составляющие сознания, способности).

Данные содержательные компоненты мышления образуют пять основных функциональных уровней мыслительной активности субъекта: 1) процессуальный (мыслительные процессы: анализ, синтез, обобщение); 2) операциональный (действия, операции, формы); 3) смысловой (динамика смыслов); 4) эмоциональный; 5) интуитивный.

До последнего времени встречается непонимание специфики процессуального уровня мышления по отношению к операциональному, т.е. необходимости выделять отдельный процессуальный уровень функционирования мышления. Считается, что процессуальный уровень – это просто динамическая “развертка” операционного состава мышления. Во многих учебниках по психологии (см., например, [17, с. 342]) анализ, синтез относятся к операциям (а не к процессам). Так считал и Ж. Пиаже [20, с. 68–71; 21, с. 89–91].

Согласно результатам наших исследований, недизъюнктивный подход к мышлению не позволяет отнести анализ, синтез, обобщение, конкретизацию к умственным действиям, операциям. Понимание анализа и синтеза в качестве противоположных друг другу операций, распространенное в формальной логике, часто неправомерно переносится в психологию. Тогда анализ – это практическое или мысленное разложение целого

объекта или явления на составные части, компоненты, а синтез – объединение различных составных частей (выделенных анализом) в целое. Основная функция этих процессов – не нахождение существенных свойств познаваемого объекта, а механическое разложение его на компоненты (части), которые могут и не отражать связи с существенными параметрами, а также сбор (синтез) частей. В результате еще один смысл (предназначение) данных операций заключается в том, чтобы быть формально противоположными друг другу.

Но для психолога анализ и синтез – взаимосвязанные процессы познавательной деятельности, прежде всего мышления, направленные на выявление существенных, понятийно формулируемых свойств объекта. В этом случае анализ и синтез относятся к процессам мышления, но не к мыслительным операциям, потому что заранее не заданы, не сформированы по отношению к познаваемому объекту и зависят от его структуры и специфики. Единая аналитико-синтетическая деятельность субъекта осуществляется в ходе его непрерывного взаимодействия с внешним и внутренним миром и предполагает отражение окружающих явлений в виде познаваемых объектов (относительно независимых от личности, самодостаточных образований, имеющих собственное содержание и логику развития). Мыслительный анализ объекта предполагает отражение его существенных характеристик в понятиях и суждениях, выраженных в языковой форме. Синтез заключается в воспроизведении целостности объекта через соединение его компонентов и фиксацию характера связи между элементами предмета или явления. В этом отношении анализ и синтез тесно связаны с обобщением (С.Л. Рубинштейн, К.А. Абульханова-Славская, А.В. Брушлинский, А.М. Матюшкин, В.В. Давыдов и др.). Обобщение – результат, итог этих процессов в мышлении.

Анализ и синтез в мышлении не противостоят друг другу, но существуют в единых формах. Анализ объекта в процессе мышления предполагает действие особого механизма анализа через синтез, т.е. включения познаваемого объекта во все новые и новые связи и отношения с другими для выявления новых качеств и свойств предмета. Этот процесс не есть простое разложение некой целостности на составные части, он не может происходить без трансформации исследуемого объекта, без выражения его существенных сторон в понятийной форме. Синтез предполагает не столько составление определенных элементов в структуру, сколько воссоздание всеобщих свойств предмета в различных его конкретных проявлениях (в виде особенного), т.е. путь от общего к частному, от абстрактного к конкретному, а также формулирование способа связи (понятийно выраженного) между частями объекта (обес-

печивающего его целостное функционирование). Такой синтез способствует воспроизведению познаваемого объекта во всей его конкретности, в многообразии проявлений и целостности. При данной трактовке анализ и синтез нельзя отнести к мыслительным операциям, так как они не обладают, согласно Ж. Пиаже, обратимостью и парностью – свойствами, обязательными для операций [21, с. 594]. Это – недизъюнктивные процессы, осуществляемые один посредством другого (например, анализ через синтез).

Формально-логическое (не психологическое) понимание анализа и синтеза (в этом случае они могут выступать в качестве мыслительных операций) приводит, например, к тому, что в когнитивной психологии они часто рассматриваются в качестве автономных процессов мышления. Преобладание анализа или синтеза в мышлении конкретного человека служит основой типологии индивидуальных различий в познавательной сфере личности. Например, выделяются люди “аналитики” и “синтетика”, исследуются “аналитичный” и “синтетичный” когнитивные (познавательные) стили [30]. Как показывают результаты наших исследований, в основе деления “аналитичность–синтетичность” лежит не доминирование изолированных процессов анализа или синтеза (уровень развития анализа у субъекта соответствует уровню развития его синтеза), а качественные особенности единых аналитико-синтетических форм мысли [24, с. 146–147].

Таким образом, в мышлении наряду с традиционным операциональным содержанием необходимо выделять его процессуальное содержание. Процессы мышления, в отличие от операций (действий), имеют конкретную определенность и выражаются в психологическом содержании анализа, синтеза, анализа через синтез, обобщения, абстрагирования, прогнозов, выдвигаемых субъектом при решении задачи, уровня отражения соотношения условий и требований задачи и др. Выделение процессуального уровня в мышлении обеспечивает психологу более дифференцированный анализ мышления, отражение именно психологических (не логических, гносеологических и др.) характеристик мыслительной активности, рассмотрение мышления в качестве изначально творческого процесса, порождающего новое знание и новые личностные особенности.

СОВРЕМЕННЫЕ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК МЫШЛЕНИЯ

Процессуальный подход к исследованию мышления (достаточно трудоемкий в экспериментальном отношении) позволил А.В. Брушлинскому по-новому поставить проблему соотношения сознательного и бессознательного в мыслительном

поиске. В традиционной психологии со времен В. Кёлера связь сознательного и бессознательно-го в мышлении трактовалась через наличие инсайта. Инсайт (англ. *insight* – проницательность, понимание) – феномен мышления, выражающийся во внезапном и быстром осмысленном решении задачи человеком (или постижении истины) на основе интуитивного озарения, внутреннего “открытия”. Понимание существенных отношений во время инсайта субъектом прямо не связано с его прошлым опытом, научением и является продуктом резкого изменения течения мысли. Благодаря инсайту существенные черты объекта непосредственно презентуются субъекту внутренними свойствами стимульного материала. Инсайт – это некоторый разрыв (своего рода “бессознательная вставка”) планомерно осуществляемой мыслительной деятельности.

Открытие инсайта В. Кёлером сыграло чрезвычайно важную роль в психологической интерпретации мышления: мыслительная активность выступила для психологов не только как цепь логических построений, но и как подлинно личностный, психологический процесс. Однако в психологии мышления и творчества были зафиксированы две изолированные, противостоящие одна другой фазы: а) сознательного, целенаправленного поиска; б) бессознательной работы, инкубации идеи. Инсайт – это резкий, внезапный переход от бессознательного уровня функционирования мышления к сознательному, когда открытие из бессознательного “вырывается” в сознание и понимается. Получалось, что сознательное и бессознательное в мышлении не связаны между собой и реализуются изолированно один от другого, как правило, последовательно (если задействован один, другой не функционирует). Инсайт – явный, иррациональный посредник между сознательным и бессознательным в мышлении.

Брушлинский обнаружил “немгновенный” инсайт. Этот феномен проявляется в ходе мыслительного поиска, обычно при решении вербальных задач. В отличие от классического инсайта, немгновенный протекает относительно длительное время (15–20 с), и человек полностью не уверен в правильности выбранного решения задачи. Немгновенный инсайт свидетельствует о непрерывном взаимодействии сознательного и бессознательного на всех этапах мыслительного процесса.

В развитие данных идей Брушлинского были проведены исследования, в которых связь сознательного и бессознательного компонентов мышления рассматривалась следующим образом: 1) определялось, будет ли изменение сознательного плана решения задачи влиять на бессознательный; 2) устанавливалось, будет ли изменение бессознательного в мышлении (введение новых не-

осознаваемых личностью компонентов) воздействовать на сознательный поиск ответа (см. [22]). Интерпретация мышления респондентов осуществлялась на основе микросемантического анализа протоколов [5]. Оказалось, что изменение сознательного плана мышления (в исследовании использовалась известная задача Брушлинского: “Будет ли гореть свеча в условиях невесомости?”) практически всегда приводит и к иной картине в системе бессознательного оценивания субъектом условий и требований предъявляемой задачи. Для фиксации характера бессознательного оценивания компонентов задания Н.Н. Плещинская [22] использовала достаточно надежные методы психосемантики [19]. На разных этапах мышления как процесса испытуемым несколько раз предъявлялась матрица семантического дифференциала относительно основных компонентов задачи, которую они должны были заполнить. В матрицу были включены 11 различных понятий и 13 униполярных признаков. Все 11 понятий, так или иначе связанных с основной задачей, необходимо было оценить по 13 признакам с помощью шестибальной шкалы. В качестве признаков, по которым следовало оценить понятия, выступали следующие свойства: 1 – светлый; 2 – легкий; 3 – холодный; 4 – тусклый; 5 – мягкий; 6 – круглый; 7 – воздушный; 8 – маленький; 9 – плохой; 10 – темный; 11 – важный; 12 – хороший; 13 – ненужный.

На основе обработки матриц составлялись итоговые семантические пространства условий и требований задачи и определялся характер их изменений под влиянием осуществленной сознательной работы. На рис. 1 и 2 приведены лишь некоторые наглядные данные об изменении бессознательных установок личности до и после вербальной подсказки. Четкие изменения в семантическом пространстве свидетельствуют о влиянии подсказки на ход бессознательного мыслительного поиска решения. Так, например, к связке “кислород и воздух” добавилась “невесомость”, что говорит о включении испытуемыми данного компонента задачи в ход рассуждения. От связки “пламя–горение” в стороне оказался такой элемент, как “тепло”, что обозначает сомнение участников эксперимента в том, будет ли гореть свеча. Связка “свеча–фитиль” отсутствовала. “Фитиль” имеет важное значение в решении задачи, поскольку для правильного ответа на вопрос, почему свеча не будет гореть, необходимо объяснить, что воск зальет фитиль. До подсказки условия задачи “фитиль, воск, невесомость” рассредоточились как важные и недифференцированные. После предъявления вспомогательной задачи факторы “перевернулись”, т.е. до подсказки компоненты основной задачи, которые были для испытуемых неважными в решении, но диффе-

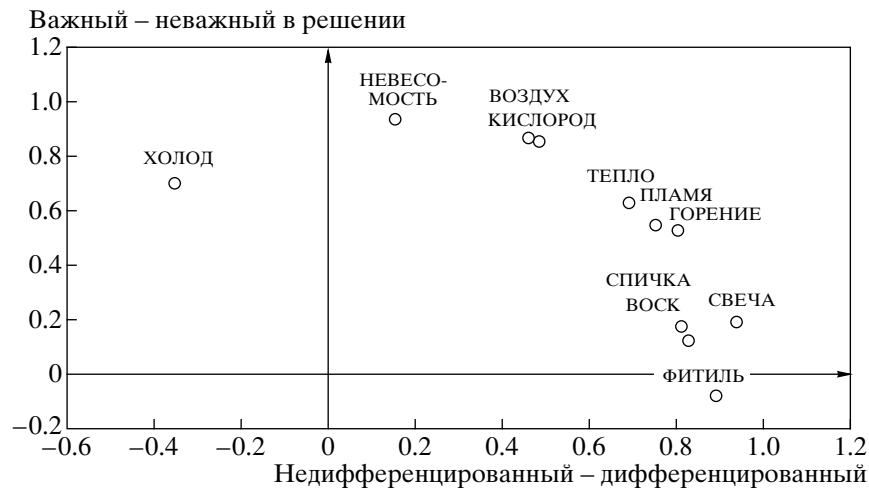

Рис. 1. Распределение компонентов и условий задачи внутри факторов до всех подсказок (метод – *principal components*, вращение – *varimax*).

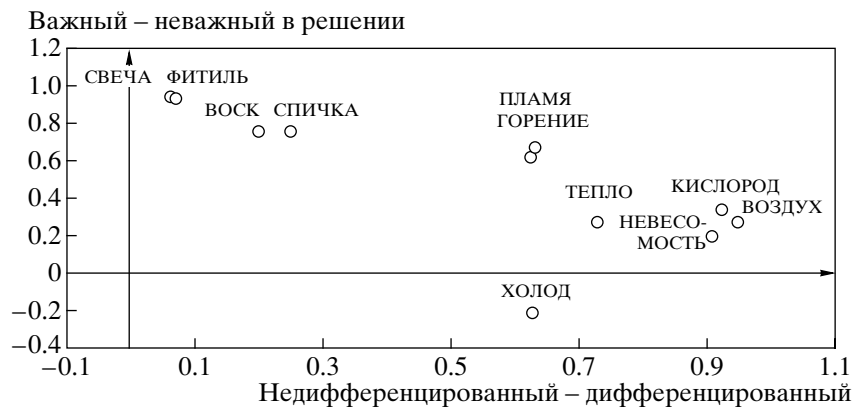

Рис. 2. Распределение компонентов и условий задачи внутри факторов после вербальной подсказки (метод – *principal components*, вращение – *varimax*).

ренцированными, стали важными и недифференцированными.

Таким образом, в приведенных исследованиях была подтверждена гипотеза Брушлинского о непрерывном взаимодействии сознательного и бессознательного планов мышления на всех этапах мыслительной деятельности. Это положение находит и более детальное выражение, проявляющееся в изменении бессознательных установок личности по оцениванию компонентов задачи с изменением сознательного плана решения. Далее Н.Н. Плетеневская изучала влияние бессознательного плана мышления на сознательный поиск решения: в бессознательное включался новый компонент – “субсенсорная” подсказка и регистрировались возможные изменения процессов мышления испытуемых [22]. В ходе решения основной задачи им предъявлялся зрительный образ – горящая свеча со стрелками, символизирующими процесс конвекции, и надпись “циркуля-

ция”, вмонтированная в различные фильмы, например “Матрица” и “Гладиатор”. Предъявление фильмов и подсказок отличается от обычного принципа “лентопротяжного механизма” в кинотеатрах, но характеризуется высокой скоростью показа вспомогательного компонента (время предъявления стимула составляло около 52 мс). В результате Н.Н. Плетеневской были получены, на наш взгляд, интересные данные. Просмотр фильма с такой подсказкой возвращал испытуемых к решению основной задачи: они гораздо чаще давали правильный ответ, однако объяснить, почему свеча не будет гореть в условиях невесомости, не могли. Они не были также окончательно уверены в правильности данного решения. Например, после вербальной подсказки изменили свой ответ без аргументации, неожиданно, в ходе мгновенного инсайта 10% испытуемых, а в случае с “субсенсорной” подсказкой – 46.5% (в контрольной группе – только 1%). В этих экспериментах ав-

тору удалось целенаправленно воспроизвести и отчасти регулировать явление “немгновенного” инсайта (открытое А.В. Брушлинским).

Таким образом, с введением новых бессознательных компонентов (с изменением бессознательного плана мышления) у испытуемых качественно менялся мыслительный процесс на осознанном уровне. Изменение бессознательного плана мышления (подсказки на “субсенсорном” уровне) приводило к недифференцированному воздействию на сознательный план мышления: субъект не понимал причины принятого решения, способ связи между условиями и требованиями задачи, однако предлагал правильное ее решение. Введение новых компонентов в бессознательный план мышления часто оказывает прямое воздействие на сознательный план мыслительного процесса, которое актуализирует интуитивное итоговое обобщение конечного результата задачи, при этом прогнозы искомого осознаются субъектом неотчетливо (см. подробнее [22, 26]). Было показано, что взаимовлияние сознательного и бессознательного в мыслительной активности протекает через механизм взаимообогащения между ними: бессознательные компоненты являются условиями продуцирования нового в сознательном решении, а осознанный план задает направление к быстрому решению благодаря стимулированию интуитивного пласта мышления. Следовательно, подтверждается идея А.В. Брушлинского о неразрывном единстве сознательного и бессознательного в мышлении на различных фазах его осуществления. Непрерывное взаимодействие сознательных и бессознательных компонентов мышления наиболее рельефно проявляется на процессуальном уровне функционирования мышления, который и обеспечивает непрерывную связь осознанного и неосознанного при решении задач.

В исследованиях А.В. Грачева рассматриваются процессуальные характеристики мышления и их роль в решении компьютерных творческих задач [7]. В этом случае особая форма представленности задачи, возможность испытуемого взаимодействовать с условиями (проецируемыми на монитор) предопределяют свернутость мыслительных процессов анализа, синтеза, обобщения на первоначальных этапах поиска решения. Специфика компьютерных творческих задач изначально направляет мыслительный поиск в логическое, когнитивное русло, эмоциональный и рефлексивный план мышления отходят на второй план. Очевидно, это связано с восприятием ЭВМ как сложной технической системы, требующей приложения рациональных способов мышления. Такая ситуация наблюдается на первых стадиях решения задачи, роль эмоциональной составляющей по мере развития процесса мышления переходит от функции поверхностного эмоционально-

го фона, отношения к задаче и ситуации в целом, к функции включения эмоций в формирование гипотез, в регуляцию мыслительного процесса. В эмпирических исследованиях автор получил данные о том, что при решении творческих задач мышление представляет собой не линейный, а циклический, “спиралевидный” процесс, в котором субъект, исследуя различные стороны познаваемого объекта, производит анализ и обобщение, выдвигает и проверяет прогнозы часто не один раз, а многократно, в зависимости от степени уверенности в правильности выбранного направления решения [там же].

М.В. Гудкова [8] изучает взаимосвязь процессуальных характеристик мышления и критического мышления (понятие “критическое мышление” разработано американским психологом Дианой Халперн [29]), исследуя роль процессов анализа, синтеза и обобщения ситуации, в которой оказывается личность, при возникновении так называемых эффектов воздействия. К ним относятся: “принцип контраста”, эффекты “ассоциаций”, “взаимного обмена”, “обязательства и последовательности”, “социального доказательства”, “авторитета” и др. Использование указанных особенностей социального мышления человека позволяет манипулировать его мнением и поведением. Автор показала, что стагнация, неразвернутость и неразвитость мыслительных процессов субъекта в определенных ситуациях, обеспечивает успешность использования эффектов воздействия. В частности, в возникновении “принципа контраста” важное значение имеет намеренное центрирование личности на эмпирических параметрах социальной ситуации, что приводит к построению жесткой логической цепочки выводов; хаотичный анализ через синтез при этом способствует формированию интуитивных, последовательных, дедуктивных выводов (домыслов) [8]. Следовательно, стимулирование процессуального плана мышления субъекта будет способствовать формированию большей независимости, автономности, адекватности его мышления и меньшей подверженности манипуляциям со стороны негативных социальных воздействий.

Механизмы действия процессуальных компонентов мышления в решении смысловых задач изучаются С.А. Персиянцевым [18]. Человек как субъект жизнедеятельности постоянно решает задачи на определение места и значения конкретных объектов в своей жизни. Такие задачи на смысл предполагают процесс смыслоосознания или осознания смысловых связей [13]. Автор установил, что мышление выступает важной детерминантой процесса и результата осознания в целом и процесса осознания смысловых связей (решения задач на смысл) в частности [18].

В последнее время совместно с Ю.В. Ермишиной мы проводим теоретические и экспериментальные исследования, посвященные взаимосвязи между мышлением как процессом и смыслами, участвующими в нахождении решения задачи. Данные разработки направлены на сближение двух наиболее мощных школ в отечественной психологии мышления: а) процессуальной парадигмы С.Л. Рубинштейна, А.В. Брушлинского; б) “смысловой” концепции мышления О.К. Тихомирова, И.А. Васильева, Т.В. Корниловой и др.

Существенный вклад в разработку мышления как деятельности был внесен О.К. Тихомировым и его сотрудниками. В этих исследованиях показано, что процесс формирования умственных действий при решении задачи включает взаимодействие различных смысловых образований человека, создающих динамическую смысловую систему. Смысл задания для субъекта отражается в промежуточных целях, становится основой построения ментального действия. На наш взгляд, смыслы гораздо более подвижны, чем умственные действия, используемые субъектом для нахождения решения. Смысл в мышлении, вероятно, – это тот посредник, который обеспечивает связь между процессуальным и операциональным планами (уровнями) мышления.

Субъекту при решении задач важны не только знания, но и смыслы основных компонентов задачи. Возникновение смыслов – основа появления новых знаний, которых нет непосредственно в условиях и требованиях задачи, а их необходимо открыть, обнаружить. Отраженные компоненты объекта недостаточны для нахождения решения; человек включает их в систему собственной мотивационно-потребностной сферы и личного опыта (уже полученных им знаний и сформированных способностей). Познаваемый объект открывает для субъекта новые свойства. Так смыслы задачи, отношения к ней рождают в мыслительных процессах новые знания, “выращивают” новый состав когнитивного плана мышления. Например, в наших экспериментах, проводимых совместно с Ю.В. Ермишиной, активизация смыслового плана решения задач осуществляется субъектом именно на стадиях затруднений, когда выбранная испытуемым линия логического рассуждения оказывается “в тупике”. Иногда обращение личности к своему прежнему опыту, к воспоминаниям и включение в них условий и требований выполняемой задачи способствовали нахождению решения: преломляясь через смысловую систему субъекта, условия задачи позволяли увидеть их новое содержание, незамеченное ранее. Смысловой потенциал личности оказывается часто активно “задействованным” и на начальных этапах решения задач. В этих случаях смысл условий задачи, возникающий при ее формулировании (актуальный), задает последующую

зону поиска ответа, т.е. направление мыслительного анализа. На разных этапах мыслительного поиска мы наблюдали доминирование либо смысловых характеристик, либо процессуальных (когнитивных) особенностей мышления.

Рассматриваемые выше исследования осуществлялись непосредственно в рамках школы психологии мышления А.В. Брушлинского с использованием разработанного им континуально-генетического подхода и эмпирического метода микросемантического анализа протоколов испытуемых. В целом эти научные разработки подтверждают существенную роль мыслительных процессов (наряду с операциональным составом мыслительной деятельности) в решении различных видов задач, в постановке и новом решении ряда традиционных проблем психологии мышления. Ориентация психологов на процессуальный уровень осуществления мышления значима при изучении социального мышления, межличностного взаимодействия, в решении многих проблем профессиональной деятельности субъекта. Например, М.М. Молодцова показала, что в жестко регламентированной деятельности операторов атомных станций важными оказываются мыслительные процессы. Мышление как процесс выполняет три важнейшие функции в работе операторов: 1) диагностики события; 2) анализа происходящего; 3) планирования способов коррекции ситуации и выбора обратной связи [16]. Перспективным в данном контексте представляется дальнейшая реализация процессуального подхода к мышлению в психологии творчества, в формировании креативных способностей субъекта, в решении проблем создания моделей искусственного интеллекта на современном этапе компьютеризации и программирования, взаимосвязи мышления и воображения и др.

СУБЪЕКТНАЯ ПАРАДИГМА В ПСИХОЛОГИИ МЫШЛЕНИЯ

Изучение процессуальной природы мышления предполагает использование субъектно-деятельностного подхода к исследованию психического и его интерпретации. Данный подход был впервые разработан А.В. Брушлинским. Развитие теории субъекта, новой субъектной парадигмы в психологии было главным делом ученого в последние годы его жизни (см. [5]). Основываясь на традиционной трактовке субъекта (С.Л. Рубинштейн), он вносит ряд принципиально новых дополнений и изменений, развивая уже устоявшиеся взгляды в этой проблемной зоне психологии.

Традиционная субъектная теория, реализующаясь наиболее последовательно в работах С.Л. Рубинштейна, К.А. Абульхановой, А.В. Брушлинского, Л.И. Анцыферовой и др., внесла и продолжает вносить существенный вклад в разработку

онтологических основ личности, психического вообще, в решение проблем взаимосвязи сознания и деятельности, психической саморегуляции, обеспечения реального функционирования определенных психологических составляющих личности. В рамках данного подхода личность выступает как наиболее общее понятие по отношению к субъекту, поэтому понимается в качестве субъекта жизнедеятельности, системы обобщенных функциональных характеристик психического, которые обеспечивают действия, поступки, деятельность и поведение человека. Субъект при этом – достаточно позднее образование в онтогенезе, которое возникает после личности (она формируется к трем годам, с появлением сознания и самосознания), когда человек на достаточно высоком уровне осваивает различные виды деятельности (общение, труд, игру, учение), прежде всего предметно-практическую, профессиональную. Данная позиция, идущая в психологии от С.Л. Рубинштейна, сыграла ведущую роль в преодолении функционализма в психологической науке (где “субъектом” выступают отдельные познавательные процессы или свойства, состояния, но не личность в целом).

А.В. Брушлинский, активно развивая устоявшиеся представления о субъекте познавательной деятельности, пришел к выводу о том, что категория “субъект” является более широкой по содержанию, чем категория “личность”. Это определяется несколькими причинами. Одним из значимых аргументов в пользу более общего характера субъекта является феномен группового субъекта. Так, в исследованиях А.Л. Журавлева отчетливо продемонстрировано, что поведение и деятельность исполнителей на современном производстве есть не только пассивная рецепция управленческих требований; эти требования преломляются как через индивидуально-психологические особенности психики отдельных работников, так и через психологическую специфику отдельных групп [10]. Таким образом, учет характеристик индивидуального и группового субъекта играет важную роль в современной психологии управления. Наличие группового субъекта на примере социально-психологических исследований убедительно доказывает, что категория субъекта выступает родовой по отношению к личности (групповой же личности не бывает). Второй аргумент – понятие “субъект” включает не только психологические и социальные свойства, но и физиологические, биологические, анатомические. Как указывал С.Л. Рубинштейн, субъект – это человек во плоти и крови, т.е. в совокупности его телесных параметров, сочетающихся с психическими. Важно учитывать и то положение, что субъект в онтогенезе появляется до личности, субъектные свойства возникают уже в младенчестве, а развитие человека как субъекта происходит в течение

всей жизни. Формирование субъекта как такового связано с произнесением первых слов (в возрасте одного года), с зарождением познавательного интереса, когда ребенок начинает выделять в окружающем мире не только стимулы, но и познавательные объекты.

В отличие от традиционной парадигмы, существуют два основных критерия субъекта: 1) способность к практической деятельности, в которой он формируется; 2) способность отражать мир (внешний и внутренних) в виде познаваемого объекта (не стимула, воздействия и т.п.). Второму критерию А.В. Брушлинский придавал особое значение, определяя психологическую природу субъекта, так как продуцирование предметно-практической деятельности невозможно вне постановки цели, вне выделения познаваемого объекта (как вещи, свободной от эмоционально-аффективных переживаний, в ее собственной структуре, самостоятельной логике развития и функционирования). Данные два критерия тесно взаимосвязаны и взаимообусловлены. Однако часто в рамках различных трактовок деятельностного подхода в психологии существование познавательного объекта игнорировалось либо учитывалось недостаточно.

Традиционное психологическое понимание природы субъекта, как правило, связано лишь с отношением человека к себе (и другим) как к деятелю, инициатору и источнику различных видов предметной деятельности. При этом субъектность (как овладение деятельностью) выступает одной из многообразных характеристик личности и является менее общим образованием по отношению к личности, индивидуальности и т.д. Не умаляя значения данного аспекта в рассмотрении критериев и характеристик субъекта, необходимо отметить еще один немаловажный момент (к сожалению, до настоящего времени он остается вне основного поля внимания ученых): отношение субъекта к собственным психическим процессам, свойствам, переживаниям, состояниям. В современной мировой и отечественной психологии активно подчеркивается несводимость психических процессов к деятельности, отсутствие тождества между такими понятиями, как “познавательный процесс” и “деятельность”, “личностное свойство” и “деятельность”, “состояние” и “деятельность” (А.В. Брушлинский, В.В. Давыдов, Ю. Энгелстром (Y. Engestrom) и др.).

Понятие “субъект” – достаточно широкое обобщение, включающее различные уровни проявления активного, инициативного, интегративного, системного начал. Важной характеристикой субъекта, вероятно, станет его многоуровневая природа и множественность конкретных проявлений, что предопределяет развитие интегративной функции. Полноценный анализ субъек-

та предполагает выделение нескольких взаимосвязанных аспектов его психологического содержания: 1) рассмотрение человека как субъекта различных деятельностей, прежде всего познавательной; 2) раскрытие субъекта как основы разнообразных форм осуществления психических процессов, свойств, состояний (функций саморегуляции, обеспечения адекватного соотношения между различными компонентами психологической организации); 3) анализ субъекта в качестве участника, инициатора и организатора системы межличностных взаимодействий с другими людьми; 4) изучение субъекта как источника, важной составляющей и преобразователя общественных и социальных отношений ("социальной ситуации развития") и др. Целостность, единство, интегральность являются важными свойствами субъекта, которые выступают основой для системности всех его психических качеств, часто весьма противоречивых и трудносочетимых (А.В. Брушлинский [4, с. 208]).

Высшие уровни субъектного бытия личности предполагают, согласно К.А. Абульхановой, использование человеком собственных психологических ресурсов (процессов, свойств, состояний, способностей) в качестве средства обеспечения жизнедеятельности [1, с. 11]. Психологические ресурсы при этом образуют своеобразную, индивидуальную структуру личности, которая выражается в выработанных стратегиях и стилях жизни и познания. Вместе с тем, как уже отмечалось, формирование субъекта начинается в раннем онтогенезе. В экспериментах Е.А. Сергиенко было убедительно доказано, что предпосылки субъекта обнаруживаются в младенчестве, а многие из них имеют генетические основания, причем на каждом уровне базовой субъектности проявляется интегративность, целостность, социальность и личностное ядро в развитии ребенка. Эти базовые свойства функционирования психического мира младенца хотя и выступают неотрефлексированными самим ребенком, но впоследствии составят основу субъекта (см. [12, 27]).

Важную роль в становлении человека как субъекта психических действий и разных деятельностей играет его мыслительная активность. Это определяется тем, что появление субъекта в онтогенезе неразрывно связано с возникновением познавательного объекта. Субъект в онтологическом понимании во многом формируется через гносеологическое отношение к объекту. Способность отражать мир как объективную реальность (самодостаточную и относительно независимую от личности сущность) предопределяет рождение субъекта, которое является генетически исходным по отношению к возникновению личности в онтогенезе. Данные положения подтверждают важную роль проблемы соотношения личности и мышления, личности и других психических функ-

ций в рассмотрении психологического содержания субъекта.

В новой субъектной психологии именно субъект, наделенный сознанием и формирующий деятельность (но не сознание или деятельность), является фокусом концентрации эмоционального и аффективного, сознательного и неосознанного, общественного и индивидуального, материального и идеального и т.д. Субъект из предиката становится субъектом, из прилагательного – существительным, из второстепенного – первостепенным. Личность или личностное – лишь одно из свойств субъекта. Субъектная психология открывает перед традиционной целый пласт, веер новых интересных, жизненных проблем (например, соотношения личностного и познавательного, личностного и эмоционального). В рамках традиционных подходов все познавательные функции были личностными и способ, характер связи личности и, например, мышления не обсуждался, потому что любой познавательный процесс изначально трактовался в качестве тотально личностно обусловленного образования.

Открытие новых характеристик субъекта и сочленение их с процессуальным подходом к мышлению позволяет выявить особые грани личностной обусловленности мышления, соотношения познавательного и аффективного, регуляции мыслительного поиска. В наших исследованиях мышления как субъектного и личностного процесса [14, 24–26 и др.] находит подтверждение новая субъектная парадигма А.В. Брушлинского.

В ходе большой экспериментальной работы нами доказано, что личностная обусловленность мышления не является однонаправленным процессом: полученные данные существенного микроразвития всех основных компонентов личностной структуры (мотивации, способностей, направленности, сознания, черт) в мыслительных процессах свидетельствуют о том, что единство личности и мышления носит характер взаимодействия (см. [3]). В этом взаимодействии происходит одновременное, непрерывное изменение как познавательных, так и личностных компонентов. Субъект развивает личностные черты, в том числе осуществляя мыслительную деятельность по решению внешних и внутренних проблем.

Личность и мышление имеют внутренние, глубинные взаимосвязи и соотносятся как согласованная система и подсистема. Эти тесные взаимосвязи между личностными характеристиками и особенностями мышления обнаруживаются прежде всего на процессуальном уровне анализа их взаимоотношений, в исследовании конкретной содержательной ситуации, складывающейся при решении субъектом задач. Ранее сформированные личностные свойства, черты, особенности обеспечивают *исходную детерминацию* мышле-

ния (его появление, функционирование и т.д.). Мышление является лишь одним из многих свойств, качеств личности. Вместе с тем мышление – это особое свойство личности, которое через содержательное обобщение, фиксацию и решение проблемности ситуации и др. обеспечивает субъекту понимание его места и роли в системе межличностных отношений, обеспечивает самопонимание и личностное развитие. В ходе собственного функционирования само мышление как способ бытия личности оказывает воздействие на личностные структуры, приводит к их изменениям, динамике.

Мышление субъекта является реальным, необходимым условием личностного развития и оказывает воздействие на личность, изменяя личностные параметры не только через рефлекссию, но и анализ (обобщение) познаваемого объекта. Личностные свойства, непосредственно участвующие в анализе познаваемого объекта (например, когнитивные стили), прежде всего подвержены микроизменениям. Мыслительные процессы (по своей сущности направленные на открытие и создание нового) создают холистическую природу психического. В мышлении порождаются не только новые когнитивные структуры, но и новые личностные свойства. Мышление – это движение не только мысли, но и личности. В мышлении субъект фиксирует проблемность складывающейся ситуации, что выступает необходимым условием формирования различных личностных переживаний, конструктов, вплоть до полярных, условием перехода от одного уровня когнитивно-личностного функционирования к другому. Как показывают наши экспериментальные исследования, полезависимые испытуемые под влиянием выработанных обобщений при решении перцептивной задачи и складывающихся мотивационно-оценочных компонентов (переживание успеха) способны переходить к полнезависимым формам действия [24, с. 130–132].

Развивающий эффект мыслительных процессов обусловлен также отсутствием заранее заданных критериев, стадий их развития для субъекта, они формируются в мыслительной деятельности. Испытуемый не сразу находит ответ при решении задачи, постепенно формирует новый способ познавательного и практического действия. Это свидетельствует о том, что исходных личностных особенностей недостаточно для осуществления решения. Новые уровни личностно-когнитивного функционирования появляются по мере развития мыслительных процессов.

Личностные и мыслительные характеристики субъекта соотносятся *не прямо, а опосредствованно*. Функциональными посредниками в их взаимодействии выступают минимум четыре уровня: 1) уровень мыслительного процесса как непре-

рывного взаимодействия субъекта с внутренним и внешним миром в целях познания; 2) уровень уже сформированного, сложившегося личностного плана мышления; 3) процессуальная динамика личностных особенностей; 4) уровень когнитивной сферы личности. Важнейшим является процессуальный уровень мышления и личности. Складывающаяся в процессе мышления *внешняя и внутренняя ситуация* обуславливает личностную микродинамику, личностное микроразвитие (актуализацию особенностей личности, формирование свойств и способов познавательных действий, их обобщение).

Мыслительные процессы субъекта оказывают существенное воздействие на его сознание. Результаты психосемантического исследования свидетельствуют о том, что мыслительные процессы приводят к изменению характера связей между коннотативными значениями внутри сознательной активности, что выражается в различных индивидуальных семантических пространствах у испытуемых. Мыслительная активность приводит к изменению не только хорошо осознанных компонентов (например, знаний), но и взаимосвязей между знаниями, между отношениями, между знаниями и отношениями, которые, как правило, не осознаются. Следовательно, мышление оказывает воздействие и на бессознательную сферу личности. Например, группировка суждений студентов о проблемах жизни и смерти значительно изменяется в семантическом пространстве под влиянием активизации их мышления. Данные изменения становятся основой принципиально новой структуры сознания испытуемых в этой проблемной области, которая выражается в различных индивидуальных семантических пространствах и характеризуется большей дифференцированностью и когнитивной сложностью.

Изменению под влиянием мыслительных процессов подвержены и некоторые общие личностные черты. Полученные нами данные свидетельствуют о том, что показатели содержательных свойств базовых шкал *ММР* у испытуемых могут изменяться в ходе активизации процесса мышления, направленного на переформулирование, переосмысление и решение внешних и внутренних проблем субъекта.

Эффективным способом изменения некоторых личностных свойств, связанных с нарушениями психического функционирования, является субъектная психотерапия, в рамках которой многие виды психической патологии трактуются как общее ослабление субъектности личности, перераспределение субъектности на отдельную часть личности (идею, переживание и т.д.), страх асубъектности. Система мер, направленных на перераспределение функции субъектности с отдель-

ных составных частей психического на личность в целом и усиление ее общей субъектности, является важным условием формирования согласованного функционирования психических компонентов, становления самодостаточности и эффективной саморегуляции человека.

Мера активности, динамизма личностных и когнитивных структур – индивидуальный, глубоко личностный процесс. Индивидуальные особенности субъекта будут определяться тем, в какой мере человек способен к сохранению личностного развития и каковы особенности данного процесса. Можно выделить пять основных типов личности по степени сохранения функциональных личностных подвижек: 1) *со сверхвысоким* уровнем сохранения изменений личностных особенностей, кто способен закреплять первоначально сформированное в течение года и более; 2) с *высоким* уровнем восприимчивости к самоизменениям; 3) *парадоксальный* тип, чьи изменения личности не только сохраняются, но и постоянно увеличиваются в прогрессивном направлении; 4) с *умеренным* уровнем сохранности изменений, личностные структуры которых переходят на более высокий уровень функционирования, чем при первоначальной диагностике, но более низкий по сравнению с их действием в условиях стимулированных мыслительных процессов; 5) с *низкой* способностью к сохранению личностной динамики, у которых первоначальные изменения практически не сохраняются в течение времени, а возвращаются на начальный уровень функционирования (см. [24, 25]).

Влияние мыслительной активности субъекта на изменения личностных и субъектных свойств показывает, что мышление представляет собой сложный, комплексный процесс решения задачи. В мышлении человека в той или иной мере оказывается задействованной вся психологическая организация, а не только ее когнитивная составляющая. Следовательно, мышление наряду с деятельностью играет существенную роль в личностном развитии и становлении субъекта. Мышление есть неотъемлемая часть бытия человека, входящего в общую картину бытия мира. Наши исследования обосновывают необходимость адекватного перенесения основного гносеологического отношения между субъектом и объектом в план онтологии, выявления его онтологических характеристик. Способ и уровень познавательного взаимодействия личности с объектом выступают важной онтологической характеристикой субъекта, существенно влияющей на компоненты всех основных сфер личностного бытия [24]. Личностные характеристики субъекта мышления на процессуальном уровне оказываются динамичными, живыми, постоянно реагирующими на изменения, происходящие в анализе объекта, в

мыслительном отражении внешней и внутренней ситуации.

В последнее время субъектно-деятельностный подход, который активно развивал А.В. Брушлинский, реализуется в ходе изучения психологии человеческого бытия, понимаемого прежде всего как бытие субъекта (см. [11, 14, 28]). На наш взгляд, дальнейшее продвижение в этой сфере исследований также во многом зависит от рассмотрения процессуальных, динамических сторон жизни человека, его непрерывного взаимодействия с миром, собой и другими людьми.

В заключение необходимо отметить, что исследования А.В. Брушлинского позволили сохранить и существенно развить одну из наиболее мощных психологических школ мышления в мировой психологии начала 50-х годов XX в. – школу С.Л. Рубинштейна. Благодаря теории Андрея Владимировича сегодня мы имеем наиболее развернутое психологическое содержание мышления, включающее в себя процессуальный аспект (наряду с логическим, эмоциональным и т.д.). Процессуальность мышления есть собственно психологическое содержание мыслительной деятельности, и это особенно важно, поскольку мыслительные процессы формируют логическую, операциональную ткань мышления и выступают исходными по отношению к умственным действиям, формам мысли, знаниям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абульханова К.А. Психология и сознание личности. Москва–Воронеж, 1999.
2. Анцыферова Л.И. Личность в динамике: некоторые итоги исследования // Психол. журн. 1992. Т. 13. № 5. С. 12–25.
3. Брушлинский А.В. Взаимосвязь процессуального и личностного аспектов мышления // Мышление: процесс, деятельность, общение. М.: Наука, 1982. С. 5–49.
4. Брушлинский А.В. Психология субъекта. СПб.: Алетейя, 2003.
5. Брушлинский А.В. Избранные психологические труды. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2006.
6. Васильев И.А., Поплужный В.Л., Тихомиров О.К. Эмоции и мышление. М.: МГУ, 1980.
7. Грачев А.В. Мыслительные процессы при решении творческих задач // Актуальные проблемы современной психологии (XI Кирилло-Мефодиевские чтения). Смоленск: Универсум, 2005. С. 28–34.
8. Гудкова М.В. Когнитивная динамическая модель эффекта контраста // Актуальные проблемы современной психологии (XI Кирилло-Мефодиевские чтения). Смоленск: Универсум, 2005. С. 35–39.
9. Давыдов В.В. Проблемы развивающего обучения. М.: Педагогика, 1986.

10. Журавлев А.Л. Психология управленческого взаимодействия. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2004.
11. Знаков В.В. Психология понимания. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2005.
12. Исследования по когнитивной психологии / Под ред. Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2004.
13. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 2003.
14. Личность и бытие: субъектный подход: Материалы 3-й Всероссийской научно-практической конференции. Краснодар, 2005.
15. Матюшкин А.М. Анализ и обобщение отношений // Процесс мышления и закономерности анализа, синтеза и обобщения / Под ред. С.Л. Рубинштейна. М.: АПН РСФСР, 1960. С. 122–153.
16. Молодцова М.М. Конструктивное мышление и его роль в решении задач в процессе профессиональной деятельности оперативного персонала АЭС // Актуальные проблемы современной психологии (XI Кирилло-Мефодиевские чтения). Смоленск: Универсум, 2005. С. 81–84.
17. Общая психология / Ред. В.В. Богословский и др. М.: Просвещение, 1981.
18. Персиянцев С.А. Процесс мышления как одна из детерминант смыслоосознания // X Кирилло-Мефодиевские чтения. Смоленск: Универсум, 2004. С. 78–80.
19. Петренко В.Ф. Основы психосемантики (2-е издание). М.: Питер, 2005.
20. Пиаже Ж. Генетическая эпистемология. СПб.: Питер, 2004.
21. Пиаже Ж. Избранные психологические труды. М.: МПА, 1994.
22. Плетневская Н.Н. Соотношение сознательного и бессознательного компонентов при решении мыслительных задач: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2006.
23. Рубинштейн С.Л. Избранные философско-психологические труды. Основы онтологии, логики и психологии. М.: Наука, 1997.
24. Селиванов В.В. Мышление в личностном развитии субъекта (2-е издание). Смоленск: Универсум, 2003.
25. Селиванов В.В. Мышление и бытие субъекта // Субъект, личность и психология человеческого бытия. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2005. С. 145–160.
26. Селиванов В.В., Плетневская Н.Н. Психология мышления: соотношение осознанного и неосознанного. Смоленск: Универсум, 2003.
27. Сергиенко Е.А. Природа субъекта: онтогенетический аспект // Проблемы субъекта в психологической науке / Отв. ред. А.В. Брушлинский, М.И. Воловикова, В.Н. Дружинин. М.: Академический проект, 2000. С. 184–201.
28. Субъект, личность и психология человеческого бытия / Под ред. В.В. Знакова и З.И. Рябикиной. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2005.
29. Халперн Д. Психология критического мышления. СПб.: Питер, 2000.
30. Psychological Differentiation. Studies of Development / Eds. H.A. Witkin, R.B. Dyk. N.Y., 1974.

CURRENT STATUS AND PERSPECTIVES OF A.V. BRUSHLINSKY'S THEORY OF THINKING

V. V. Selivanov

Sc.D. (psychology), professor, Smolensk State University, Smolensk

A.V. Brushlinsky's theory of thinking development at the present-day stage is considered. Studies of thought content, processual components of the thinking activity, relation of conscious and unconscious in subject's task solving, personal parameters changing during the thinking process are analyzed. A.V. Brushlinsky's processual paradigm is compared with O.K. Tichomirov's "meaning" theory in the study of thinking. The analysis and thinking study perspectives in modern psychology are determined.

Key words: thinking as a process, thinking as activity, conditions and requirement of the task, continuum-genetic method, unmomentary insight, subject – activity approach.